

Г.Г. Старикова

Харьковский национальный университет радиоэлектроники,
к. филос. н., доц. каф. философии

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Статья посвящена проблеме антропологических составляющих процесса научного познания. Рассматриваются возможности применения социокультурного и лингвистического подходов к проблеме. Анализируется роль и место ценностей в научном познании, а также национально-культурная специфика научного знания и возможности ее исследования.

Ключевые слова: эпистемология, субъект познания, ценности, национально-культурные особенности науки.

Г.Г. Старікова

АНТРОПОЛОГІЧНІ ВИМІРИ СУЧАСНОЇ ЕПІСТЕМОЛОГІЇ

Статтю присвячено проблем антропологічних складових процесу наукового пізнання. Розглядаються можливості використання соціокультурного і лінгвістичного підходів до проблеми. Аналізується роль і місце цінностей у науковому пізнанні, а також національно-культурна специфіка наукового знання і можливості її дослідження.

Ключові слова: епістемологія, суб'єкт пізнання, цінності, національно-культурні особливості науки.

G.G. Starikova

THE ANTHROPOLOGICAL MEASURING OF MODERN EPISTEMOLOGY

The article is devoted to the problem of the science knowledge's anthropological components. The possibilities of using the social-culture and linguistic methods of approach to the problem is considering. The role and the place of values in the science knowledge and also the science knowledge's national-cultural specifics and possibilities of it's research are analyzed.

Key words: epistemology, the subject of knowledge, values, the national-cultural specifics of science.

Современная эпистемология как методология постнеклассической науки является отражением тех принципиальных изменений в идеале научного познания, которые происходят в последние десятилетия. Наряду со многими другими к таким изменениям следует отнести трансформацию представлений о субъекте познания, его роли и специфике его функций в данном процессе. Уже в середине XX века начало активно и осознанно формироваться антропологическое измерение эпистемологии. Речь идет не только и не столько о пресловутом феномене «смерти субъекта», сколько о реальном участии целостного познающего человека в процессе научного познания. Представление о познающем субъекте подверглось серьезной трансформации – от классической модели абстрактного и, по сути, «бесчеловечного» субъекта, лишеного всех человеческих особенностей, кроме рационального мышления, к системному представлению о целостной познающей и, одновременно, активно действующей, преобразующей мир личности в постнеклассических подходах.

Исследователи пришли к выводу, что представление о познающем субъекте должно включать, помимо ментального, собственно рационального компонента, также и

телесную, организменную составляющую, с одной стороны, и целостно-личностную, с другой. Поэтому особую **актуальность** приобретает рассмотрение эпистемологических проблем «сквозь призму» антропологического и социокультурного подходов. Все большее значение исследователи придают опыту социально-гуманитарного знания, который необходим для анализа социокультурной обусловленности научного знания. Важными в этом смысле становятся также последствия «лингвистического поворота» и «антропологического поворота» в гносеологии.

Так, формируется новое понимание роли ценностей в научном познании, их имманентности знанию, неотъемлемости от познавательной деятельности в целом. Другим «постнеклассическим» аспектом современной эпистемологии является анализ особенностей познавательного процесса в их зависимости от культурно-исторических, лингвистических, этнографических и иных характеристик. В связи с этим **целью** данной работы является анализ культурно-исторически сформированной и социально обусловленной ценностной составляющей научного знания.

Следует отметить, что речь идет не столько о природе ценностей как феномена, – это задача аксиологии, сколько о способах, приемах, подходах к теме «познание и ценности», существующих как в самой философии и близких ей областях знания (этики, эстетики), так и преимущественно в науке. Сегодня размышляют не столько о том, свободна ли наука от ценностей или как ее «освободить» от них, сколько о том, как, в каких формах ценности органично входят в научное знание или деформируют его и как способ такого вхождения зависит от типа науки. Присутствие ценностей в науке в самых разнообразных явных и неявных формах – это объективная данность, не сводящаяся к заблуждениям и ошибкам, что подтверждается практикой научного знания и вековым опытом философско-рефлексивного, логико-методологического и эпистемологического анализа научного знания и познавательной деятельности. Признание ценностей в знании как данности, задача постижения их разных форм и выяснение последствий этого стало признаком преодоления стандартной концепции знания, упрощенных форм фундаментализма, приближения к реальному положению дел в познавательной деятельности. В этом случае меняется сама суть эпистемологических категорий, норм и способов познания, существенно возрастает объем понятийного аппарата, появляется потребность в новых конструктивных приемах и принципах для этой области философского знания. Это означает, что расширяется предметное поле общей эпистемологии и вместе с тем появляется дополнительно некоторая конкретная область – «формы и функции ценностей в познании», – специфицирующая подход к ценностям, но примыкающая к общей эпистемологии, ее базовой проблематике [1, с. 37].

Современные философы размышляют не столько о том, свободна ли наука от ценностей или как ее «освободить» от них, сколько о том, как, в каких формах ценности органично входят в научное знание или деформируют его и как способ такого вхождения зависит от типа науки. Присутствие ценностей в науке в самых разнообразных явных и неявных формах – это объективная данность, не сводящаяся к заблуждениям и ошибкам, что подтверждается практикой научного знания и вековым опытом философско-рефлексивного, логико-методологического и эпистемологического анализа научного знания и познавательной деятельности. Сегодня все больше осознается, что знание, освобожденное от ценностей и предпочтений, – это «удобная» идеализация знания, его упрощение, которое тем самым становится доступнее эпистемологу, облегчает создание понятийного аппарата, формулирование категорий и принципов. Однако такая абстракция и идеализация слишком далека от реального познания и утрачивает реалии живого познания. В настоящее время проблема состоит не только в том, чтобы вводить разумные критерии, принципы и ограничения по отношению к ценностям и оценкам, но в том,

чтобы понять, как в контексте ценностной «нагруженности» познания получать относительно истинное знание о действительном мире, а не только его предельной идеализации и абстрактной модели.

Разумеется, требование различать два подхода: «ценность как знание» и «знание и ценности» имеет все основания и предполагается в любом эпистемологическом исследовании, однако это не означает, что необходимо и возможно категорически «разводить» ценности и знания, как феномены различной природы. Можно сослаться на точку зрения Ю. Хабермаса, который выступал против «онтологического дуализма», т.е. разведения ценностей и фактов. Речь здесь идет, скорее, о «методологическом различии между науками»: в одном случае (например, в теории морали) опираются на критерии нормативной правильности, в другом – на критерии пропозициональной истинности. Обращаясь к рассмотрению дискуссии между когнитивистами и скептиками, он ссылается на разработанную им этику дискурса, которая покоится на допущении о том, что «притязания на нормативную значимость обладают когнитивным смыслом и могут рассматриваться подобно притязаниям на истинность» [2, с. 15]. Это возможно потому, что этика дискурса предлагает не содержательные ориентиры, но опирающуюся на определенные предпосылки процедуру.

Другая проблема – «знания и ценности», где они достаточно автономны и находятся как бы во внешнем взаимодействии, – не менее значима и существенно дополняет первую проблему. Эпистемологическая проблема состоит в том, чтобы понять, как ценностно «нагруженная» активность субъекта может выполнять конструктивные функции в познании. Для решения этой проблемы наиболее плодотворным становится поиск и выявление тех средств и механизмов, которые выработаны внутри самого научного познания. Идущие от классической науки представления о существовании в самой познавательной деятельности возможностей и средств «преодоления» ценностных установок субъекта верно лишь отчасти. Разумеется, речь должна идти не о «преодолении» субъекта как такового, а об элиминации идущих от субъекта деформаций, искажений результатов познания под влиянием личной и групповой тенденциозности, предрассудков, пристрастий и т.п. Вот почему столь важно выявить эпистемологическими средствами способы вхождения и существования ценностей через различные явные и неявные формы предпосылок и предпосылочного знания.

Следует, однако, заметить, что ценностная составляющая познания имеет еще один аспект. Все упомянутые выше подходы рассматривали ценностно-оценочные стороны познания «здесь и сейчас», в принципе, не анализируя специфику ценностей, в том числе и рациональных, познавательных, сформировавшихся в различных культурах и в разные исторические периоды. Анализ этого аспекта требует обращения к немногочисленным попыткам исследовать национально-культурную специфику научного познания. Мы считаем, что для рассмотрения проблемы в данном ключе следует опираться на одну из наиболее удачных попыток подобного анализа – работы Г. Гачева о национальных особенностях науки [3]. Разработка методологически обоснованного подхода к предложенной проблеме опирается на культурно-лингвистический подход к науке. Наука рассматривается как текст на естественном языке, где образ (и его семантическое содержание) имеют фундаментально-определяющее значение для воссоздаваемой картины мира и построения теорий (т.е. для воспроизведения нашего представления о реальном мире, преломленном через наш язык, традиции и т.п.). Так, по мнению Г. Гачева, наука этим включается в поле национальной культуры конкретного народа, а в мышлении естествоиспытателей обнаруживаются гуманитарные, эстетические (и др. ценностно-оценочные) моменты, которые роднят естествознание с искусством, в т.ч. и с художественной литературой [3, с. 54]. Исходным в таком исследовании должно стать

представление о целостности культуры в ее связях с историей общества и жизнью личности. Исторически сложившаяся в последние столетия разорванность культуры на гуманитарную и естественнонаучную сферы, которые все более расходятся, обособляются, специализируются, затрудняет реализацию такого целостного подхода к ментально-творческой стороне жизни человека и человечества. В свое время на эту проблему вышла лингвистическая концепция относительности Сепира-Уорфа. Однако в их трудах логика выводилась только из структуры языка, Гачев же осуществляет попытку вывести и язык, и все остальные составляющие из целостности бытия в национальной природе. Национальная картина мира исходит из человеческих и социально-культурных глубин и существует как модель мира, матрица для постижения и мира, и общества, и человека. И ученый, в каких «эмпириях» ни парил бы его ум, рождается в лоне матери-природы и своего народа. Природная, общественная и культурная среда пропитывает своими установками, ориентирами, шкалой ценностей, архетипами мышление ученого, его действия с объектами своей науки. Подобно тому, как существует априоризм форм чувственности и рассудка, так естественно допустить и *образный* априоризм: первичные интуиции, которые существуют в сознании всех членов данной национальной культуры. Они общи у ученого с простолюдином из его народа и определяют во многом его понимание и формулировки теории, особенности логики, построение аргументации.

Кроме того, при более пристальном рассмотрении ценностей в их богатом разнообразии обнаружится, что многие из них имеют в своем содержании когнитивную составляющую, не говоря уже о познавательно-регулятивной и селективной функциях. В свою очередь, когнитивные феномены могут имманентно содержать аксиологические компоненты, например, необходимость аргументации вытекает из общения и «соучастия» читателя (слушателя) и выполняет оценивающие (нормативно-ценностные) функции. Следует подчеркнуть, что ценности и оценки, если и относятся к области знания, то это – знание иного типа: оно не об объекте с его параметрами, но о субъекте, оно «на другой стороне», на стороне субъекта. Поэтому обращение к проблеме ценностей напрямую связано с такой задачей, как преодоление чрезмерной абстрактности самой категории субъекта, ситуации, при которой в философии реальный живой процесс человеческого познания полностью заменен предельными абстракциями, результаты оперирования с которыми безоговорочно экстраполируются на реальный процесс познавательной деятельности.

Возможна ли радикальная модернизация рационалистической модели интеллекта, или она должна быть отброшена как избывшая себя? Как совместить эту модель и «человеческое в его непосредственности, таким, каким мы его видим» (Х. Ортега-и-Гассет) и не «провалиться» в релятивизм и иррационализм? Как от абстрактного схематизма и теоретизма перейти к реальному познанию – текучему, изменчивому, историчному, индивидуальному, пребывающему в традиции, случайном, живых эмоциях, пристрастиях и интересах, принять его и, оставаясь в языке и мышлении философа, описать и объяснить в целостности?

Представляется убедительной и принципиальной позиция американского философа Х. Патнэма, изложенная в широко известном труде «Разум, истина и история». Он показал, что традиционное противопоставление «факт – ценность» не имеет рациональных оснований. Понимание научного факта предполагает определенные ценности, в частности «ценность самой истины», которая в свою очередь предполагает определенные критерии-ценности, например, «критерий рациональной приемлемости (acceptability)». Это и есть специфические эпистемологические ценности, явно или неявно существующие в науке, показывающие, что наука не является «ценностно нейтральной». Здесь представлены такие когнитивные «достоинства», как когерентность,

функциональная простота, обоснованность, оправданность, хорошая подтверждаемость, наиболее подходящее объяснение. Особенность этих характеристик состоит в том, что они не столько служат успешности теории, сколько определяют отношение к теории, ее оценки, и сами ценности носят вполне объективный характер. Подобно терминам «добро», «красота», «благо», слова «когерентный» и «простота» используются также для похвалы и одобрения [цит. по 4, с. 114].

Выводы. Итак, ценностями становятся и такие формы знания, как истина, факт, методы и методологические принципы, в свою очередь, «классические» ценности, прежде всего моральные и эстетические, включенные в познавательную деятельность, могут принимать «знаниевую», когнитивную форму. Это знание особого типа, знание о субъекте, «нагруженное» его эмоциями, предпочтениями, мотивами, выражаемыми в формах идеалов, норм, картин мира, стиля мышления, а также концептами здравого смысла, парадигмами, научно-исследовательскими программами и др. Через ценности и оценки в обыденное и научное знание входит социокультурное и историческое измерение.

Перед исследователями данной проблемы стоит задача взглянуть на науку извне науки. Это необходимо самой науке для самопознания, ибо наука ныне доказала, что сама себя она, исходя только из своих, строго научных критериев и предпосылок, понять не способна. Следовательно, для самопознания она должна выйти к принципам и методам, не содержащимся в ней. Поэтому предлагаемое исследование вненаучных элементов внутри научного знания носит принципиальный, гносеологический характер и необходимо для расширения и объекта нашего знания, и метода познания, и самого познающего субъекта. В какой мере и каким образом эти вненаучные, в том числе и ценностные компоненты влияют на результаты познавательной деятельности – все это является основной проблемой эпистемологии ценностей.

ПЕРЕЧЕНЬ ССЫЛОК

1. Микешина, Л.А. Эпистемология ценностей [Текст] / Л.А. Микешина. – М.: (РОССПЭН), 2007. – 439 с. (Серия «Humanitas»).
2. Лэйси, Х. Свободна ли наука от ценностей? Ценностное и научное понимание [Текст] / Х. Лэйси. – М.: Прогресс, 2001. – 187 с.
3. Гачев, Г. Наука и национальные культуры (Гуманитарный комментарий к естествознанию) [Текст] / Г. Гачев. – Ростов-на-Дону, 1992. – 157 с.
4. Александров, А.Д. Истина как моральная ценность [Текст] // Наука и ценности. Сб. статей. – Новосибирск, 1987. – 263 с.